

РАЗДЕЛ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ» /  
SECTION «PHILOSOPHY OF SCIENCE»



Серия «Политология. Религиоведение»  
2016. Т. 18. С. 165–174  
Онлайн–доступ к журналу:  
<http://isu.ru/izvestia>

---

---

ИЗВЕСТИЯ  
Иркутского  
государственного  
университета

---

---

УДК 930.1

**Реальная история как сочетание «силы» и «насилия»  
в фокусе науки истории (философско-методологический  
аспект)**

Н. С. Коноплёв

*Иркутский государственный университет, г. Иркутск*

**Аннотация.** Рассмотрена воспроизводимая временем реальная историческая действительность («история вообще»), согласно которой человеческая память конструирует этапы ее научного осмысления. И глубинная архаика предстает здесь в качестве слабо фиксируемого *прошлого*, содержащего, однако, набор конкретизируемых памятью (выступающей спрессованной информацией) *архетипов*. Это важное положение (выполнимое благодаря приобщению нашей памяти к прошлому и архетипам) содействует переводу «истории вообще», осуществленной в ее временной последовательности, в науку историю, когда объектом последней является прошлое, предметом – процесс, основанный на артефактах в их субъектно-личностной аранжировке. Благодаря этому, считает автор, вскрываются движущие силы истории и общественные отношения вершатся прогрессом – стимулом развивающейся европейской (о ней преимущественно идет речь) цивилизации. Показано, что она, неадекватно использовав случившееся до этого поражение женского пола, развернулась ущербно направленным движением с его неизбежной заменой «силы» «насилием». С восстановлением паритетных отношений между мужским и женским началами «сила» – свидетельствует настоящий текст – обретет программирующий ее аутентичный статус; и это будет связано с тем, что безудержный прогресс наконец-то уступит первенство классово наполненным, общечеловечным поискам смысла жизни.

**Ключевые слова:** «диалектическая развязка», реальная история, «история вообще», изменчивость и устойчивость, архетипы, объект и предмет науки истории, наука история, европейская цивилизация (евроцивилизация), российская цивилизация, поиски смысла жизни.

**Объектно-предметная выводимость науки истории.** Рассматривая предмет науки истории, нельзя не отметить его специфику сравнительно с предметной составляющей других – естественных и гуманитарных – дисциплин. Многие из них разворачивают свою предметность границами реальной действительности, «скорректированными» настоящим временем. К примеру, химия предметно очерчена длящимися «в теперь» молекулярными взаимодействиями, социология – межгрупповыми связями. Однако наука история не

признает настоящего момента ввиду того, что предпосылки ее предмета (и сам этот предмет, обуславливаемый тем или иным артефактом, т. е. «историческим свидетельством») «окаймлены» прошлым. Окажись они в настоящем, история незамедлительно устремилась бы (перечеркнув себя как науку) в ряд сведений о «повседневе», растворяясь «социо-гуманитарностью». Однако жизнь противится такому истолкованию истории ввиду того, что наша (информационно спрессованная) память постоянно взывает к тому, чтобы, оглядываясь назад, теоретически обеспечивать исторически глубинную, научно выверяемую ретроспективу. Время же, фокусируя переживаемую изменчивость, подводит рацию к осознанию того, что предмет науки истории в определенной мере приобщен к прошлому. При этом следует указать, что прошлое – отнюдь не предмет науки истории, но памятью подхваченное действие, отдельные артефакты которого стимулируют появление отмечаемой системы духовных ценностей. Содержа многочисленные артефакты, прошлое тем самым выступает «преддверием» предмета науки истории, или ее объектом. Сам предмет выстраивается как результат амбивалентной соотнесенности рассматриваемого артефакта и обращенного к нему духовного настроения историка или, по крайней мере, того, кто хочет научно приоткрывать прошлое. Это могут быть: Геродот (ок. 484 – ок. 425 до н. э.), Н. М. Карамзин (1766–1826), С. М. Соловьев (1820–1879), наконец каждый из наших современников, направляющий память для раскрытия неуловимого сущего (сущее здесь – меняющаяся *суть* общественных отношений), и наука история способна содержательно подвести человечество к объяснению его жизненных мотиваций.

**Исторически обуславливаемая «сила» подчас выплескивается функционально востребованным «насилием».** Мы, сказав: «подвести», выразили положение, соответствуя которому, нам непременно «надлежит воздействовать»: применить «силу» для достижения поставленной цели. Но о какой «силе» идет речь, если иметь в виду выявление ею своих возможностей применительно к различным пространственно-временным социосрезам, которыми пытаемся оперировать? Понятно воспроизводимая «сила» выстраивается при амбивалентно соотносимых устойчивости и изменчивости с ведущей ролью последней, и «сила» свидетельствует о невольной антропоморфизации этих взаимодействующих начал. «Сила» характеризует естественно сложившееся положение дел, включая его общественную обустроенность. Она, направляя последовательно складывающийся прогресс, выращивает, образно говоря, из вида *Homo Sapiens* социальную форму движения материи. При этом мы воочию наблюдаем неравномерное развитие человечества, и, значит, «сила», искажаясь, порою не соответствует своему назначению. Рассмотрим детальнее это важное положение. «Сила» применительно к реальной действительности – скорее метафора, но общественно озвученная «сила» – выражение «жизненных ипостасей», затверждающих «аутентичную межчеловечность». Исторический подход к «силе» направлен на вскрытие ее социально обуславливаемой раздвоенности. С одной стороны, отмечаем мы, «сила» организует события и управляет ими. Это видно по тому, как неумолим общественный прогресс. Однако – и это «оборотная сторона медали» – он часто дос-

тижим замещением «силы» одной из ее функций – «насилием». Последнее являет собою отчужденную (т. е. отстраненную (а значит самоустранившуюся) от самой себя) «силу», которая, уже не принадлежа себе, оборачивается «насилием». «Насилие», будучи негативной функцией «силы», когда она (т. е. данная функция), вырываясь из-под ее контроля, обретает очевидную самостоятельность. Оторвавшись от носителя, т. е. от «силы», оно – «насилие» – вершит зло. Складывающаяся раздвоенность «силы» опредмечена, повторимся, порожденным ею произволом «насилия».

**Специфика становления евроцивилизации.** Перенеся эту, воспроизводящую реальные связи, конструкцию на социум, наблюдаем его структурную неупорядоченность. Ею охвачена евроцивилизация: она утвердилась частной собственностью, вызванной, по выражению Ф. Энгельса (1820–1895), «*всемирно-историческим поражением женского пола*» [3, с. 60]. Не касаясь причин поражения (это специальная тема), обратим внимание на то, что «сила», раскручивая вполне приемлемое движение от сферы социальных связей (что можно рассматривать в качестве культурного ареала Ойкумены, освященного «матриархатом») к сменяющему их уровню общественных отношений (ими, собственно, воспроизводима «патриархальная цивилизация», выстроенная по сложившимся мужским стандартам), неожиданно обернулась «насилием» над прекрасной половиной человечества: слабый пол предстал товаром как условием частной собственности – с дальнейшей ее капитализацией. Это не прошло даром для рассматриваемого региона, подтвердив его ущербность из-за неполноценной разверстки связанной с ним «силы». «Сила» (вырождаясь «насилием») запуталась в том, как выстраивать здание социальной формы движения материи, и евроцивилизационный прогресс вскрылся своей односторонностью; он «сосредоточился» сильным полом – без участия женщин (не охваченных сферой общественных отношений и сохранивших себя на предшествующей общественным отношениям стадии – стадии социальных связей). Общевыраженная «сила» (т. е. совместные усилия мужчин и женщин) оказалась перечеркнутой хищным «насилием», простимулировавшим – теперь уже пренебрегая различиями между полами – становление формационно-классовой структуры общества с ее базис-надстроечной атрибутикой. ...«Завидным» беспределом открывается евроцивилизация. Сделав неверный шаг по отношению к представляющим традиции женщинам, она не смогла по настоящему постичь внутреннее строение (организующей социальную форму движения) «силы» и отдала ее на откуп тем бытовым случайностям, которые «взвинтились» – теперь уже для «массовидного обывателя» – глобальным «насилием». Сегодня оно емко проявляется противостоянием «золотого миллиарда» и «остального» – а это 6 миллиардов – человечества. Сложность ситуации заключалась в том, что развившееся – на подступах к цивилизации, выигрывавшей поражение женщин, – гендерное (гендер подчеркивает *социальную* заостренность пола за счет свертывания его *естественного* предназначения; не зря поэт Е. А. Евтушенко /р. 1933/ почти «всерьез иронизирует»: «Лучшие мужчины – это женщины») состояние вида *Homo Sapiens* «предвосхитило» неизбежную классовую структуризацию (складывающихся в

цивилизационном периоде истории) общественных отношений. Они определились с позиций формационного – с его базис-надстроечной регламентацией – «взлета» евроцивилизации.

**Формационная структурированность западного сообщества.** Если с течением времени затверждающийся социум (который способен «разыграть» артефактом) характеризует прошлое как условие разворачивания истории в ее предметной «заангажированности», последние (т. е. прошлое и история), сопрягаясь друг с другом, одновременно взаиморазделяются. Это происходит потому, что память, «архивируя» прошлое, строит из него объект научного исследования. История, которая заимствует из прошлого упоминаемые артефакты, обременяется их научным исследованием. Сказывающимся результатом этой логически воспроизводимой процессуальности, стягивающей прошлое и историю, будет то, что – как было выше отмечено – прошлое сорганизовывается как объект научно-исторического исследования. Последнее, приобщаясь памятью к «выложенным» из арсенала прошлого артефактам, «конструирует» прочерченный выше предмет науки истории. Память распоряжается своими внутренними пластами так, что от нее зависит, на каком этапе ее исторической (т. е. расположенной во времени) репрезентации прошлое обращается в объект исследования и когда указанный объект конкретизируется предметно-научными (т. е. собственно историческими) очертаниями. Специфичность объекта и предмета настроена памятью – спрессованной информацией. Это важное положение свидетельствует о том, что над объектом и предметом научно-исторического исследования, которые предметно конструируются, зависит носитель памяти – субъект «духовно-исторического прорыва». Каждый из нас должен «научить» свою память вполне упорядоченно – мы для того и специализируемся «образовательной премудростью» – оперировать объектом и предметом исторического исследования. Только в таком случае переживаемое время может научно воспроизвести социально устремленную изменчивость, которая, прикрываясь им (т. е. жизненно излучаемым временем), на деле путает «исторические карты». Это видно по всплывшей последними десятилетиями «новой хронологии». Ее адепты оперируют временем как носителем жизненной изменчивости, подгоняя под него содержание последней. Однако в рассматриваемом отношении время (имеющее широкий набор таких «отношений» контекстом ныне утвердившихся субстанциальной, реляционной, статической и динамической концепций времени) – лишь фикция (т. е. исследовательский прием), которую используем при раскрытии социальной формы движения материи с превалирующей ролью изменчивости в этом глобальном процессе.

**Память – организатор содержательно выводимых принципов историзма.** Под рассматриваемым углом зрения продолжим постигать исторически выявляемые «силу» и «насилие». «Комплиментируясь», они вместе с тем оказываются взаимно противопоставленными. Воспроизводящая их единство история (понимаемая в данном случае как сжатая временем процессуальность, а не как наука история) достигает сие через демонстрацию противоречивой соотнесенности между ними, обретая двойственную нагрузку: 1) она насыще-

на объективным содержанием, и это сближает ее с прошлым (выше мы показали, что прошлое – объект исторического исследования); 2) история в ее субъектном «амплуа», выстраивая предмет своего исследования, оборачивается наукой историей. Отсюда следует промежуточный вывод, согласно которому затрагиваемая здесь история как «история вообще» выступает строго организованным посредником между прошлым и историей как наукой. Объективность «истории вообще» видна в том, что она вытекает из подтвержденного нашей памятью прошлого. Память, принадлежа человеку – субъекту деятельности, невольно упорядочивает объективно воспроизводимый историей процесс. Ведь история с момента своего формирования неотделима от человека, социума, и включающее ее в себя прошлое – это неупорядоченная разумом социореальность. Мы подходим к рассмотрению того, что сама объективная реальность есть не что иное как аналог мира вещей, пропущенный через наше сознание. И если по отношению к природной среде объект может быть с нею отождествлен, то применительно к социуму как предмету нашего изучения этот социум предстает тесно связанным с той духовностью, которая выстраивает его исторический облик. В таком случае понятие «силы» обусловлено, с одной стороны, деятельностью социума, с другой – в том «волевом резерве» его содержания, который носит субъектно индивидуализированную запечатленность. Это понятно ввиду того, что история (и здесь она уже не как «история вообще», но – «числясь» наукой историей) вмещает развертывание общественных отношений при непосредственном участии нашей духовности. Ведь история – наука, которая одновременно с этим становится объясняющим мотивом нормального выживания человечества (это важное обстоятельство придает ей духовно-практическую, т. е. широко осоциальную репрезентативность). Отсюда научность истории как системы социогуманитарных ценностей сопряжена с ее «общечеловеческой завербованностью». История выражает свою амбивалентность в том, что, будучи наукой, она, вместе с тем, служит практическим руководством для человеческого общежития. Этому благородному начинанию истории как науки соответствует именно «история вообще». Поскольку, как выше было сказано, предмет науки истории – выбранный субъектом деятельности осваиваемый архетип, он настойчиво влияет на его развернувшуюся историческую процессуальность: содействует ее «диалектической развязке». Становясь его организатором, история – теперь уже как «наставник» общественных отношений – последовательно настраивает силовой аспект самореализации социума на выявление в нем тех компонентов прогрессивного совершенствования общественных отношений, которое выступает как «насилие». Оно связано с прогрессом и структурирует общество – согласно его внутренней выразимости – на противостоящие друг другу группы. Согласно К. Марксу (1818–1883), на этом построено здание той или иной формации с ее «классовой приобщенностью». Обнаруживаемая структура общества характерна для евроцивилизации. Ее история, обусловленная классовой эксплуатацией, «узаконивает» отмечаемое соционеравенство – с одновременным указанием на его общественную несостоятельность. Фиксируя эволюцию общественных отношений, Ф. Энгельс в уже упомянутом труде

«Происхождение семьи, частной собственности и государства» в качестве артефакта предмета исторического исследования берет такое состояние вида Homo Sapiens, когда в нем произошел раскол, результатом которого стало отмеченное выше унижение женщин. Артефакт как предмет исторического исследования раздвоился на воплощающее силу мужское начало и на подчиненный ему «женский задел» вида Homo Sapiens. Этот этап был необходим, и его необходимость оказалась тесно увязанной с насильственным «преобразованием» социума, вступившего на прогрессивный путь (цивилизационного) развития. Он, повторимся, означил себя «насилием». Оно не могло всплыть без нарастающей роли субъективного фактора, «апробированного» стремлением – под влиянием изменчивости – выйти на широкую дорогу прогресса, представленную цивилизацией. Сложившаяся ситуация объяснима следующим образом. В гуманитарном познании она задействована строгой «субъектно-субъектностью», а это значит, что здесь отсутствует объект, на который названная «субъектность» направлена. Центр тяжести смещается в сферу субъектно-субъектной воспроизводимости, свидетельствующей о том, что духовное и предметное растворяются личностно расширенной поступочностью. История как наука и история в ее обыденно-жизненной устремленности (что выше означено как «история вообще» с ее артефактной обеспеченностью) оказываются взаимно упорядоченными, и мир предстает не сам по себе, но тесно соотношенным с его социоподтвержденным личностным Альтер эго. Историчность в данном случае обладает возможностью регулировать содержание памяти – придавать ему нужное направление. При этом регуляция – и силовое, и насильственное следование достижению цели.

**«Сила» и «насилие»: их внутренняя несовместимость.** Пройдемся далее по «насилию» – одной из функций «силы», а также ее антагониста. «Насилие» как понятие, «упорядочивающее» общественные отношения, оформляется тогда, когда рассматриваемая система «страдает» уязвимой односторонностью. Действительно, евроцивилизация определилась на основе частной собственности, осуществленной – как было уже отмечено – за счет эксплуатации представительниц слабого пола. Женщины оказались в иной, нежели мужчины, социоплоскости, и это предопределило их подчиненность «игу» мужского «насилия». При посредстве «насилия» неравновесное состояние евроцивилизации лишь усугубилось, придавая ее истории все большую зыбкость. Возникает вопрос: отчего евроцивилизация подверглась такому «динамонеровновесному разному»? Ответ на этот вопрос уже был предложен выше: насилие стало результатом складывающегося неравенства в отношениях между мужским и женским началами в становящейся цивилизации. Женщины, воплощая устойчивость социосистемы (а это явилось выражением культуры, достигающей совершенства созданием моногамной семьи), предопределили социальную форму движения материи. Каждая форма – как мы знаем – зависит от ведущей стороны, или изменчивости. Устойчивость же – ведомая сторона движения. В данном случае не следует говорить о том, что какая-то из этих сторон является исходной, а другая – наоборот – вторичной, производной. Тем не менее, характеризуя временем становление социальной формы движения ма-

терии, отмечаем: активизация устойчивости предшествует «припозднившейся» социоизменчивости. Это значит, что изначально сильный пол (в последующем заняв ведущее положение) отстранен от активной жизнедеятельности: на этапе уже ставшего вида Homo Sapiens традиции обретают особую – «женски насыщенную» – значимость. Цель, которую преследует история, заключается в том, что благодаря устойчивости готовится торжество изменчивости, которая по-настоящему определит совершенствование социальной формы движения материи. Но на исходном этапе социализации ведущее положение устойчивости не вызывает сомнений. Это предопределило последующую превратность развития цивилизации и сопутствующей ей социальной формы движения материи. Если мы попытаемся более глубоко проникнуть в суть истории как набора «овеванных» прошлым артефактов, то окажется, что состояние сингулярности, определившее развертывание Вселенной, затверждается устойчивостью как предваряющим изменчивость началом. И здесь же заметим, что сингулярность как воплощенная устойчивость столь же проблематична, как и то, что «исторически делаемое» «насилие» как функция «силы» не отражает ее предназначение. «Насилие» – это «сила», достигающая стоящие перед ней социально значимые цели. Связь «силы» и «насилия» в историческом процессе носит – согласно объективно реализующемуся времени, которое неповторимо (время, как было показано, многообразно, и здесь мы имеем в виду его реализацию с позиций субстанциональной концепции времени: согласно ей, время – независимая материальная сущность), – необратимый характер. Вскрывая артефакт как нечто уникальное, история выражает уникальность «отточенностью» собственной субъектности – духовно выраженным творчеством. История как наука, овладевая сознанием человечества, становится в условиях НТР духовным стимулом в дальнейшем самоопределении социума. В. И. Ленин (1870–1924) пишет: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» [2, с. 194]. Такое случается тогда, когда «вынашиваемый» сознанием мир обретает толерантность. Однако в условиях неадекватного – одностороннего – развертывания евроцивилизации «сила» сотворяемости приобрела негативный заряд. И та функция «силы», которая предназначена реализовать толерантность, стала содействовать развертыванию прогресса, определившего статус евроцивилизации, но по отношению к человечеству отмечаемая функция «силы» обернулась «насилием». Учитель человечества Сократ (469–399 до н. э.) вполне справедливо относил разум к числу тех знаниево зримых стимулов, опираясь на которые, люди совершенствуются и человечество обретает гармонию. Жизнь свела на нет чаяния афинского мудреца, предложив ему цикуту. Сократ добровольно ее испил. На суде с вполне рациональных позиций «демократы» обвинили гения мысли в «совершенных» преступлениях (к которым он не имел отношения). Разумно объяснив злобствующим оппонентам неправоту судилища, Сократ предпочел ему «мир иной». На примере Сократа видно: информативно насыщенное торжество рацио преисполнено «вполне прогрессивным» абсурдом. Оно здесь под влиянием «насилия» обретает «антигуманный шарм». Прогрессивная составляющая «силы», обретя статус «насилия», вскрыла его опасную

связь с торжеством непредсказуемого техно-радиопрогресса. Отмечаемая непредсказуемость – опять-таки «во имя прогресса» – способна накрыть человечество «пещерой».

**«Насилие» как условие классовых антагонизмов – с начальных времен цивилизации.** Историзм мышления следует отладить так, чтобы он оказался морально и нравственно приемлемым. Для этого создатели науки истории могут так раскладывать артефакты, чтобы они обретали не абстрактно выразимое, но непосредственно осязаемое ценностное «очарование». Это также значит, что прошлое, настоящее и будущее – согласно статической концепции времени – вполне одновременны. Отмечаемая одновременность настраивает нас, воспринимающих содержание историзма, на гуманистическое приобщение к прошлому, «окутывавшему» наследуемый нами артефакт. Гуманизированная линия «прошлое – настоящее» оказывает прямое силовое воздействие на расположенное в пределах непосредственной досягаемости будущее, и все это вместе свертывает возможности функционально воспроизводиться реалиям голого прогресса без учета гуманитарной насыщенности человеческого общежития. Ф. Энгельс книгой «Роль насилия в истории» [3, с. 419–479] показал, что политика О. Бисмарка (1815–1898), «кровью и железом» объединившего Германию, была исполнена беспощадного насилия, хотя выполняла весьма прогрессивную роль. Это со всей очевидностью говорит о том, что европейский «цивилизаторский прогресс» осуществлялся подавлением «силы» заложенным в основание этой цивилизации «насилием». Осуществив объединение Германии контрреволюционным путем, О. Бисмарк перекрыл возможность действия «силы» как выражения общенационального движения немецкого народа, обернув ее «насилием». Но если толерантно отструктурировать «силу», воздействуя на те ее компоненты, от которых зависит запуск функций «силы», ранее несущих «зло», а теперь – под влиянием гуманистических ценностей – обретающих зримую общечеловечность, значение науки истории с очевидностью возрастет. Ей предстоит раскрыть массовую индивидуализацию социума, набирающую «помимоисторическую» направленность. Здесь же подлежит разбору непростая ситуация с возрастающей ролью субъективного фактора, оборачивающегося примитивным индивидуализмом на почве свертывания прежде господствующего коллективизма. НТР, подменяя его, еще шире открывает двери обретающему мощь волонтаризму, псевдоколлективистски (ввиду замены естественного коллективизма «достижениями» неукротимого прогресса) насыщенному бесправию человечества.

**Наука история – духовный стимул личностного самоопределения.** Очередная и, к сожалению, не последняя попытка по замене «насилия» «силой» – направить создаваемую посредством НТР искусственную среду на соединение индивида и коллектива: так было прежними, не обязательно евроцивилизационными, исторически обусловленными временами. Да и цивилизаций, помимо европейской, наберется свыше двадцати, и не факт, что все они строились на частной собственности при униженном положении прекрасного пола. К примеру, отечественная цивилизация обрела статус на общинной основе, когда социально воспроизводимая изменчивость не довела над устой-

чивостью – женским началом. Это удачно прослеживается творчеством серьезного мыслителя и великого поэта Н. А. Некрасова (1821–1877), в художественной форме воссоздавшего глубоко продуманный, величественный образ русской женщины. Проблемы, стоящие перед наукой историей, – суметь наложить историко-научную методологию на «историю вообще» как жизненно засвидетельствованный памятью процесс, охватывающий такие реалии прошлого, под влиянием которых оно, т. е. прошлое, могло бы расширить потенциал научно-исторических исследований. По словам К. Маркса, «мы знаем только одну-единственную науку, науку истории» [1, с. 221]. Благодаря столь глубокой философско-методологической «рецепции» складываются предпосылки классового подхода в осознании «силы» как выражения полноты общечеловеческих ценностей. Связанный же с «насилием» прогресс со временем утратит ведущую роль, и руководящее положение в системе ценностных ориентаций человечества займет научно прорисованная перспектива поисков смысла жизни. Наука история – при активной поддержке философской рефлексии – определит исходные данные его – смысла жизни – общечеловеческой применимости с позиций социального равенства и личностной неповторимости.

**Перспективное расширение «силы»: ее «прогрессивно-смысловое обаяние».** В заключение делаем вывод о том, что наука история в ненавязчивом контакте с «историей вообще» и с богатым артефактным наполнением прошлого сумеет дать ретроспективную оценку характеру связи «силы» и «насилия», а также покажет пути преодоления «насилия» расширением гуманистического кредо «силы».

#### Список литературы

1. Карл Маркс и современность. – М. : Политиздат, 1983. – 223 с.
2. Ленин В. И. Философские тетради. Т. 29 / В. И. Ленин. – 5-е изд. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1963. – 782 с.
3. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованием Льюиса Г. Моргана. Т. 21 / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – 2-е изд. – М. : Госполитиздат, 1961. – 745 с.

## **Real History as Combination of “Power” and “Violence” from the Perspective of History as a Science (Philosophical and Methodological Aspect)**

N. S. Konoplev

*Irkutsk State University, Irkutsk*

**Abstract.** The paper deals with objective historical reality (“History in general”) reproduced with the time and influencing the way the people’s memory constructs stages of its scientific understanding. Deep antiquity styles itself as *the past* being presented obscurely, though, containing a set of archetypes elaborated by memory (performing as pressed information). This vital aspect (possible due to acquainting our memory with the past and archetypes) helps to transform “the history in general”, carried out in time consequence, into history as a science, with the object of the latter being the past and the subject being the process based

on artifacts in their subjective and personal adaptation. The author believes that due to it drivers of change in history appear and social relations are directed by progress being the stimulus of the developing European civilization which considered in the paper. The author shows that, improperly using failure of femininity, it has taken wrong direction when “power” is substituted by “violence”. With rebuilding equal relations between the male and female principles “power” will gain its programming authentic status. This will happen due to the fact that unrestrained progress will eventually give the pass to class conscious, common to humanity search for reason of life.

**Keywords:** “dialectical solution”, actual history, “history in general”, fluidity and stability, archetypes, subject and object of history as a science, history as a science, European civilization, Russian civilization, search for reason of life.

***Коноплёв Николай Сергеевич***

*доктор философских наук, профессор,  
кафедра философии и методологии  
науки, отделение философии и теологии,  
исторический факультет  
Иркутский государственный университет  
664003 г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1  
тел.: 8(3952)334372  
e-mail: philosophy@chair.isu.ru*

***Konoplev Nikolay Sergeevich***

*Doctor of Sciences (Philosophy), Professor,  
Department of Philosophy and Methodology  
of Science, the Department of Philosophy  
and Theology, Faculty of History  
Irkutsk State University  
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003  
tel.: 8(3952)334372  
e-mail: philosophy@chair.isu.ru*